

УДК 355:94

*Авилов Р.С.
Avilov R.S.*

Дальневосточное казачество в конце XIX в. в воспоминаниях барона А.П. Будберга

The Far Eastern Cossacks in the end of the XIX century
in the memoirs of Baron A.P. Budberg

В данной статье исследуются Забайкальское и Амурское казачьи войска в конце XIX в. сквозь призму восприятия барона А.П. Будберга. Будучи молодым офицером Генерального штаба, он совершил несколько поездок по Приамурскому военному округу и познакомился с образом жизни казаков и уровнем боеготовности казачьих частей. Всё это он описал в своих воспоминаниях, которые являются уникальным источником сведений по истории российского Дальнего Востока.

Ключевые слова: *Приамурский военный округ, Дальний Восток России, русская армия, Амурское казачье войско, Забайкальское казачье войско*



This article examines Transbaikal and Amur Cossack Forces as Baron A.P. Budberg saw it in the end of the XIX century. When he was a young Generalstaff's officer, he had made a few excursions in Priamurskiy Military District and acquainted with the Cossack's way of life and the level of the combat readiness of the Cossack's Forces. He had described all this in his memoirs, which is the unique source for the Russian's Far East history.

Key words: *Priamurskiy Military District, Russian Far East, Russian army, Amur Cossack Forces, Transbaikal Cossack Forces*

Распад Советского Союза и изменение государственного устройства страны привели к возрождению многих направлений исторических исследований, в том числе и истории казачества. Открытие свободного доступа к обширным собраниям дореволюционной литературы и расширение возможностей работы с архивными материалами на первых порах привели к лавинообразному росту количества опубликованных работ. Последние, в большинстве своём, базировались именно на работах дореволюционных авторов, из которых заимствовались не только фактологическая основа, но и значительная оценочная составляющая, что впоследствии создало достаточно оригинальную ситуацию: постепенный рост количества привлекаемых архивных документов уже мало влиял на утвердившиеся в историографии оценки, а лишь использовался для их подтверждения.

Несколько по-иному сложилась ситуация с изучением дальневосточного казачества, к исследованию которого на достаточно серьёзном уровне обратились ещё в советское время [16; 17]. Публикация ряда работ по этой теме позволила дальневосточным исследователям в 90-е гг.

АВИЛОВ Роман Сергеевич, к.и.н, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** avilov-1987@mail.ru

XX в. уже не прибегать к масштабному заимствованию взглядов и позиций дореволюционных авторов, а более взвешенно подходить к оценке событий. Последнее обуславливалось ещё и тем, что дореволюционные авторы и советские учёные писали свои работы на принципиально разной теоретико-методологической основе. Соответственно механическое совмещение двух точек зрения, без их глубокой и творческой переработки, было абсолютно невозможно.

Однако одних официальных документов для воссоздания исторической действительности оказалось явно недостаточно, нужен был ещё и взгляд со стороны, причём взгляд современника. Между тем, в процессе исследования истории дальневосточного казачества была выявлена и ещё одна трудность, а именно, крайняя скудность источников личного происхождения, таких как дневники, воспоминания и мемуары современников. Последние до революции практически не публиковались, в архивах почти не отложились, а большинство частных собраний, если таковые и были, погибли в пожаре революции и Гражданской войны. Другим последствием трагических для России событий первой четверти XX в. стала эмиграция значительной части образованного населения, в том числе офицерства, представители которого во многом и занимались в Российской империи изучением её периферийных территорий: Средней Азии и Дальнего Востока [5].

Таким образом, возникла необходимость поиска этих материалов далеко за пределами территории бывшей Российской империи, а точнее – по всему миру. В итоге, в Музее русской культуры в Сан-Франциско, были обнаружены воспоминания генерал-лейтенанта А.П. Будберга о его службе в Сибири и на российском Дальнем Востоке.

Барон Алексей Павлович фон-Будберг или Будберг фон-Беннинхгаузен Фрейхерр фон-Зеннен известен, прежде всего, как активный участник белого движения и автор знаменитых «Дневников белогвардейца» [6]. Однако его жизненный путь до Гражданской войны был не менее интересен: молодой офицер Генерального штаба, объездивший значительную часть Приамурского военного округа, участник Китайского похода 1900 г., начальник штаба Владивостокской крепости во время Русско-японской войны 1904 – 1905 гг. и Первой русской революции, участник Первой мировой войны. [*Наиболее полная к настоящему моменту биография А.П. Будберга опубликована в: 2, с. 309-374*]. Он был свидетелем многих событий, важных для истории Дальнего Востока, и знаком с большим количеством людей, участников этих событий. Его жизнь вполне могла стать сюжетом увлекательного приключенческого романа. И самое главное, что этот «роман» действительно был написан.

До последнего времени исследователи использовали только «Дневники...», однако А.П. Будберг подробнейшим образом описал и другие этапы своей жизни. Его до сих пор не опубликованные рукописные «Воспоминания о войне 1914 – 1917 гг.» составляют свыше тысячи семисот страниц и хранятся в архиве Гуверовского института мира, войны и революции при Стэнфордском университете, США. Лишь в 2014 г. была впервые опубликована хранящаяся в фондах Музея русской культуры в Сан-Франциско (Калифорния, США) рукопись «Из Сибирских воспоминаний. Постройка Владивостокской крепости» о строительстве крепости в 1910 – 1913 гг. с критикой осуществляемого проекта и фактической разработкой альтернативного [2, с. 322, 363-373].

Для жителей и исследователей истории российского Дальнего Востока наибольший интерес представляют его «Сибирские воспоминания», написанные уже в США в период эмиграции. Публиковались они по частям на протяжении 1930 – 1938 гг. в «Вестнике Общества Русских

Ветеранов Великой войны». Издание было малотиражным, работать с ним на территории России крайне сложно, а соответственно, до последнего времени эти воспоминания оставались практически неизвестными не только широкой общественности, но и специалистам. Между тем, они представляют собой ценнейший источник по истории вооружённых сил России на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в., самого региона и дальневосточного казачества.

По долгу службы и благодаря личному опыту А.П. Будберг был достаточно хорошо знаком с Забайкальским и Амурским казачьими войсками, знал особенности быта казаков и некоторые стороны жизни достаточно известных казачьих офицеров, которые, по понятным соображениям, не попали в официальные документы.

Его служба в Приамурском военном округе началась с прибытия во Владивосток 4 декабря 1895 г. [7, с. 12]. Пробыв в городе несколько дней и успев получить здесь первые впечатления от дальневосточной жизни, он отправился далее к месту службы в г. Хабаровск. Уссурийская железная дорога тогда ещё не была достроена. Поезда ходили только до станции Муравьёв-Амурский, а дальше надо было ехать на почтовых. Никакого опыта зимних путешествий в условиях дальневосточных реалий у молодых офицеров не было, поэтому «выехали из Владивостока в обыкновенных осенних офицерских пальто, в тонких ботинках, не имея даже тёплого белья и возлагая все свои согревательные надежды на бывшие у меня и у Запольского кавказские бурки, кои мы считали также непроницаемыми для холода, какими они были для дождя. Нам и в голову не пришло, что необходимо было запастись продовольствием, консервами, чаем и сахаром» [8, с. 28]. Первые 300 вёрст офицеры спокойно проехали по недавно открытой железной дороге, практически не мёрзли, питались в буфетах на железнодорожных станциях «и не видели в своём путешествии ничего сибирского». Однако «со станции Муравьёв-Амурский началось наше одиннадцатидневное мытарство по великим мукам захолустного сибирского почтового тракта, из которых мы вышли благополучно благодаря молодости и здоровью» [8, с. 28-30]. Причём два наиболее трудных и безнадёжных для частных пассажиров перегона, измученные голодом, холодом и насекомыми молодые генштабисты из Петербурга преодолели, просто заставив почтовых смотрителей запрячь им лошадей под угрозой двух револьверов [8, с. 29].

Именно во время этого «ледового похода» молодой барон впервые познакомился с представителями дальневосточного казачества, причём при весьма оригинальных обстоятельствах. «В последнюю ночь перед Хабаровском, – вспоминал Будберг, – нам пришлось принять невольное участие в погоне за китайскими контрабандистами, водворявшими на нашу территорию целый обоз, нагруженный ящиками с китайской водкой, называемой здесь сули или ханшин. На этом перегоне с нами ехал начальник местного казачьего участка есаул Савицкий, который, наткнувшись на этот обоз, бросился его ловить, китайцы стали удирать, и всё это с дикими криками и пальбой пронеслось мимо нас; мы не выдержали и повернули назад на помощь есаулу; после долгой погони по сугробам, кустам и замёрзшим кочкам мы всё же нагнали китайцев, которые, бросив свои сани, разбежались, после чего Савицкий, не имея при себе конвоя, вынужден был изрубить все ящики, в которых здесь возится ханшин, и на льду образовалось целое озеро этого напитка».

К несчастью, при проведённой экзекуции, кроме есаула и молодых офицеров присутствовали ещё и ящики, которые везли офицеров. Естественно, что добравшись до станции, они немедленно рассказали там про случившееся. Весть про уничтоженный и разлитый на льду ханшин разнеслась мгновенно. В результате «всё мужское население посёлка

бросилось на место происшествия; впоследствии при встрече с Савицким, я узнал, что, несмотря на принятые им тогда меры, всё же один казак, дорвавшийся до этого ханшинного озера, опился там до смерти» [8, с. 29-30].

Во время своей дальнейшей службы Будберг будет неоднократно сталкиваться с проблемой пьянства в среде забайкальских и амурских казаков, о которой каждый раз писал с горечью и нескрываемой досадой.

В Хабаровск молодой капитан Генерального штаба прибыл 17 декабря 1895 г. и вскоре приступил к исполнению обязанностей обер-офицера для поручений при окружном штабе Приамурского военного округа. Округом тогда временно командовал генерал-лейтенант Н.И. Гродеков (С.М. Духовской вернулся в округ из поездки в Европейскую Россию лишь 31 июля 1896 г. [14, Приказ № 277 от 4 августа 1896 г.]), Начальником штаба был генерал-майор К.Н. Грибский. К некоторому удивлению Будберга штаб оказался очень дружный, служба шла без ссор и сплетен, а работали не за страх, а за совесть. Это во многом объяснялось хорошим кадровым составом штаба, на который после Японо-китайской войны 1894 – 1895 гг. и появления на Дальнем Востоке нового потенциального противника России в лице Японии легла огромная работа по разработке различных документов, в том числе и мобилизационного характера, и повышению боеготовности как всего Приамурского военного округа, так и дислоцировавшихся в нём военных частей [8, с. 31]. Резкая активизация внешней политики Российской империи в регионе, вмешательство в ход Симоносекских мирных переговоров между Китаем и Японией, мобилизация войск округа весной 1895 г. с целью оказания военного давления на Японию – всё это резко повышало значение Приамурского военного округа, а значит и его штаба [подробнее см. 3, с. 93-102; 1, с. 98-110].

Среди служивших в нём офицеров было достаточно много известных и неординарных личностей, среди которых – несколько старых амурцев. Среди них выделялся, достаточно часто фигурирующий в работах специалистов по истории этого периода, казачий полковник В.А. Фелькнер, «один из немногих участников первых амурских походов, обременённый долгами настолько, что при уплате на их погашение ежемесячно двух пятых его содержания, нужно было свыше пятисот лет на их полное погашение; ... испытал и видел Фелькнер много и теперь доживал свою богатую приключениями жизнь» [8, с. 32].

Другим «курьёзным амурцем» был адъютант хозяйственного отделения капитан В.Н. Волков, «уроженец г. Николаевска, добродушный седой медведь, учившийся, как говорят, на медные гроши в какой-то школе юнгов; его познания ограничивались грамотой и арифметикой; география его кончалась Иркутском, но служака он был добросовестный и своё отделение держал в образцовом порядке, показывая своим примером, что никаких особо глубоких познаний для таких должностей и не требовалось» [8, с. 32-33].

В этом же штабе служил и Генерального штаба капитан В.К. Самойлов – впоследствии личность легендарная. Очень начитанный человек, хорошо владевший несколькими иностранными языками, в том числе японским, прекрасный аналитик. Позднее он прослужил около 12 лет военным агентом в Японии [8, с. 33; 5, с. 208-209].

Характерно, что все эти люди, несмотря на кричащую разницу в интеллектуальных способностях и уровне образования, не только прекрасно уживались друг с другом, но и эффективно работали!

В начале 1897 г. Будберг был назначен в г. Благовещенск для исполнения вакантной должности обер-офицера для поручений при Д.Г. Арсеньеве – Командующим войсками Амурской области, который

одновременно был и военным губернатором области и наказным атаманом Амурского казачьего войска. В путь к новому месту службы он отправился зимой, накануне крещения, правда, наученный горьким опытом своего первого зимнего вояжа, уже основательно приготовился и особых трудностей в пути не испытывал. Будучи человеком от природы наблюдательным, любознательным молодой генштабист обладал ещё и достаточно редким для военного свойством характера, а именно привычкой добираться до причин и сути проблемы, по ходу обдумывая различные способы её решения.

Именно поэтому остановки в пути и различные промедления его не раздражали – внезапно освободившееся время немедленно использовалось для ознакомления с местностью, её историей, легендами, обитателями и их образом жизни. «Во всей обстановке казачьей жизни, – отмечал путешественник, – поражала запущенность и незнакомость их жилья, отсутствие надворных построек, отчаянный вид шершавых лошадей и карликового обмызганного скота, зимовавшего прямо на открытом воздухе; происходило всё это не от бедности, а от какой-то странной распушенности, так как в очень грязных и запущенных избах можно было встретить дорогие часы, фонографы, бархатные ротонды, городские ботинки и т.п. предметы роскоши, показывавшие, что здесь жили небедные люди; объяснялось это теми условиями, которые постепенно сложили хозяйственную жизнь и весь обиход здешнего казачества, силой посаженного на избранные Муравьёвым места и сразу же обеспеченного хорошими заработками от содержания почтовой гоньбы, от поставки на пароходы дров и сельских продуктов, плюс явные и тайные доходы от близости к казачьим землям разных приисковых районов, где казаки несли полицейскую службу, а осенью занимались охотой на возвращавшихся с приисков китайцев и корейцев.

Такая охота считалась здесь совершенно легальным заработком и осенью в станицах в ответ на вопрос “где хозяин”, можно было слышать “ушёл на охоту на горбачей”; так назывались возвращавшиеся с приисков инородцы вследствие носимого ими на спине тюка, заключавшего небольшие пожитки, нехитрую походную утварь и небольшой запас продовольствия. С нравственной стороны в населении крепко сидела уверенность, что никакого греха в таком промысле нет, так как у “манзов¹ души нет и вместо неё только пар”, а с материальной точки зрения признавалось выгоднее “снять” несколько десятков золотников жёлтого металла, чем целые дни бродить по тайге в поисках кабана или дикой козы и при удаче заработать на этом какую-нибудь рубличку.

Несомненно, что всё это было результатом психологии выработанной долгими годами страшной таёжной жизни, где воистину волком был человек человеку и где вечная жестокая борьба за существование выработала свои железные, жестокие, чисто звериные законы, лозунги и правила» [9, с. 25, 27-28].

Благовещенск показался Будбергу огромной станицей, «узкой вёрст семь длины полосой, вытянутой вдоль берега Амура, и в которой только торговый центр напоминал несколько захолустный губернский город». Сразу же развил кипучую деятельность, включая и мобилизационную часть, молодой капитан воспротивился значительную часть местной чиновничьей аристократии, в том числе военной. Однако войскам это было только на пользу. Тем более что последние он застал «в состоянии невероятного запустения, что объяснялось, как самой захолустностью области», так и удручающим командным и офицерским составом дислоцировавшихся там 2-го и 4-го Восточно-Сибирских линейных батальонов. Лишь в двух батареях Восточно-Сибирской артил-

¹ Манза – дальневосточная кличка китайца. – Прим. А.П. Будберга.

лерийской бригады дело обстояло заметно лучше. На этом фоне казачьи войска смотрелись совсем неплохо: «Шестисотенный Амурский казачий полк был разбросан по сотенно по всему Амуру, и в Благовещенске стояли только первая и вторая сотни; в общем состояние полка могло быть названо удовлетворительным, больших злоупотреблений там не было, в сотнях шли строевые занятия, офицеры вели себя сносно, но полковое хозяйство страдало теми же болячками, что и линейные батальоны» [9, с. 30-31].

Летом 1897 г. Будберг получил командировку в Забайкалье для участия в качестве руководителя в полевой поездке офицеров войск Забайкальской области. Это дало ему возможность совершить очень интересное путешествие вверх по Амуру и Шилке и проехать на почтовых лошадях восточное и среднее Забайкалье, вплотную познакомившись уже с Забайкальским казачьим войском. Путешествие по Амуру в летнее время доставило ему сплошное удовольствие: «отличный пароход, хороший стол, красота Амура и его берегов, интерес новизны незнакомых мест и отсутствие срочной служебной работы – всё соединилось здесь вместе; даже ободранные и неуютные казачьи станицы летом приняли более приветливый вид» [10, с. 32].

Когда по вечерам на пароход грузили дрова, он использовал представляющуюся возможность чтобы побродить по посёлкам, поговорить с казаками и ознакомиться с условиями их жизни. «Впечатления выносил невесёлые: жили казаки как придётся, без помощи и совета сверху, и жили много хуже того, чем могли по богатству своего края; земледелием занимались очень мало, имея достаточно побочных заработков для того, чтобы покупать на деньги необходимую для прокорма муку; многие покупали даже и овощи, так как огородов не имели; промышленяли только охотой и рыбной ловлей и считали, что если насолят рыбы, накоптят и намаринуют дичи, то при покушном хлебе, картошке и при неизбежной водке, ничего другого и не надо. Птицы почти не держали, считая это излишней работой; казачьи лошади и скот поражали своей малорослостью и отчаянно скверным содержанием; коровы мелкой маньчжурской породы были похожи на заморённых телят и отличались маломолочностью; за лошадьми не было ни присмотра, ни минимального ухода, и большая часть ненужных на летнее время лошадей выгонялась прямо в тайгу и на девственные луга, где им предоставлялось жить до осени и добывать себе пищу. Перемешивание старых лошадей с однолетками влекло за собой вырождение и измельчание породы; отсутствие охраны отдавало весь молодятник в жертву хищных зверей и приводило к тому, что в войске не было естественного конского приплода, и возрастающая постоянно нужда в лошадях покрывалась покупкой и приводом лошадей из Забайкалья и Западной Сибири» [10, с. 32-33].

При таком отношении к скотоводству и коневодству ситуация ухудшалась очень плохими естественными кормами, которые содержали столь малое количество минеральных солей, что все лошади были больны соляным недоеданием. Последнее обстоятельство отражалось на качестве конского состава частей Амурского казачьего войска настолько, что в Амурском казачьем полку пришлось уничтожить твёрдые барьеры, одного удара по которым было достаточно, чтобы местные лошади ломали себе ноги – до того хрупкие были у них кости [10, с. 33].

Более же всего его поразило «варварское обращение с лесом, который истребляли, не думая о будущем и считая, что его так много, что тут беспокоиться нечего; летом, например, почти все дома прикрывались от жары привезёнными из лесу чудными молодыми соснами, лиственницами и кедрами, которые несколько раз в лето менялись; я спросил как-то одного поселкового атамана, отчего же они не посадят сразу около своих

домов молодые деревья, что дало бы сразу тень, покрыло бы зимой от вьюг и ветра, уменьшило бы пожарную опасность и относительно способствовало бы осушению той грязи, в которой утопало большинство станиц. Атаман был очень озадачен моим вопросом, а потом равнодушно заявил: “Зачем нам садить, нам и так хорошо, а что касается лета, то деревьев в лесу много”» [10, с. 33].

Варварство по отношению к лесу доходило до того, что при сборе встречавшейся в этих местах в изобилии черёмухи и особых диких кисточковых яблок, казаки сначала рубили деревья целиком и лишь затем собирали с уничтоженных растений ягоды и яблоки. Чуть менее опасным для природы был вариант, когда обрубали только наиболее богатые плодами ветки, которые и отвозили затем к себе домой. «По истине, получалось нечто в роде Крыловской басни о свинье и дубе», – с ужасом констатировал барон [10, с. 33].

При этом сами станицы поражали своей неухоженностью. Повсюду, на улицах и во дворах была ужасающая грязь, которая полностью не пересыхала даже в очень жаркое лето. В низких же местах «стояли, никогда не пересыхая, зелёные и зловонные лужи и озёрки». Например, в станице Покровской, Алексей Павлович обнаружил, что такое озерко тянется, заражая воздух, вдоль всей нижней улицы. Поскольку стоять в этой станице ему пришлось целый день, не чуждый инженерного дела барон «от нечего делать показал казакам, что достаточно было провести две канавы, шагов по 20-25 длины, для того, чтобы спустить это болото и иметь возможность, засыпав его песком, получить хорошую площадь хотя бы для склада дров» [10, с. 33]. Впрочем, казаков это, судя по всему, не очень заинтересовало.

Будберг, не без горечи констатировал, что при низком культурном и образовательном уровне населения, при особенностях сибирской службы, близости тайги со всеми её соблазнами и возможностью лёгкой наживы вместо трудовых заработков, вина за запущенное состояние казачьих станиц и посёлков лежала всецело на войсковом правлении. Последнее располагало всеми необходимыми правами и полномочиями, чтобы провести во всех станичных округах столь необходимый комплекс санитарных и благоустроительных мер, однако совершенно об этом не думало и не заботилось. На более низкой ступени военно-административного управления, которой являлись начальники станичных округов – «обленившиеся от ничегонеделания есаулы и подъесаулы» – этими проблемами тоже не интересовались. Они считали, что «главная обязанность населения доставлять начальству возможно меньше беспокойств и приносить установленные доходы, думать же и заботиться о каком-то благоустройстве и санитарии считалось ересью; достаточно было того, что в станицах были больницы и приёмные покои с полуграмотными сотенными фельдшерами и полупустыми аптечками» [10, с. 33-34].

От Стретенска Будберг ехал дальше на почтовых по тракту вдоль левых берегов Шилки и Ингоды, проехал Нерчинск. В станицах, встречавшихся по пути, он по-прежнему беседовал с казаками, которые постоянно жаловались на проведённое в это время реформирование 1-го и 2-го Забайкальских казачьих батальонов (пеших) в два конных казачьих полка. Реформа, целью которой было создание дешёвой кавалерии, изначально была достаточно спорная, до стадии реализации дошёл уже второй её проект, причём даже в официальной (!) истории Забайкальского казачьего войска отмечалось, что реформа хотя и была выгодна для казны и выполнима, но «ложилась тяжёлым ярмом на казаков» [13, с. 250-256].

Молодой офицер, только окончивший Николаевскую академию Генерального штаба, не без ехидства констатировал, что эта реформа «была

измышлена в Хабаровске, когда там при решении какой-то туманной задачи по походу на Пекин, не хватило конницы для выполнения рождённых фантазией исполнителя кавалерийских задач и стремительных рейдов, так горячо проповедуемых в те времена бумажно-кавалерийским стратегом генералом Сухотиным [Николаем Николаевичем, генерал-лейтенантом и начальником Николаевской академии Генерального штаба. – Р.А.]. Тогда и решили расформировать существовавшие в Забайкалье казачьи пешие батальоны, дававшие при мобилизации дивизию отличной горной пехоты, и заставить казаков формировать вместо батальонов казачьи полки, чем и увеличить на пятьдесят процентов численность выставляемых Забайкальем конных частей. При этом совершенно не пожелали считаться с тем, что станичные округа, формировавшие эту казачью пехоту, лежали в горах и были бедны лошадьми и что население этих станиц было мало приучено ездить верхом, но зато давало идеальную горную пехоту, изумлявшую на манёврах своими 60-70 вёрстными переходами» [11, с. 29-30].

Иными словами, в находящихся на территории Приамурского военного округа казачьих войсках в очередной раз проводилось преобразование, совершенно не учитывавшее местных условий и реалий, зато вполне логичное, в т.ч. и по финансовым соображениям, с точки зрения «кабинетных офицеров», мало знакомых с действительной службой войск, их бытом, нуждами и проблемами. Сам Будберг, несмотря на молодость, всегда достаточно резко высказывался о подобного рода мероприятиях, чем портил свои отношения с начальством. Командиров сильно раздражал молодой и горячий генштабист, стоявший на несоизмеримо более высоком интеллектуальном уровне, чем они и не боявшийся высказывать свою точку зрения. При этом упрекнуть Алексея Павловича в незнании войск было невозможно, ибо он использовал любой случай, для того чтобы поближе познакомиться с частями как регулярными, так и казачьими.

Именно поэтому его приводило в ужас «переделывание пехоты в конницу, сопровождаемое глухими проклятиями казачьего населения, принуждаемого нести новые и непосильные для него расходы по покупке лошадей и конского снаряжения». Особенно же возмущало то, что при проведении реформы не удосужились даже помочь казакам с покупкой лошадей в тех местностях, где они были дешёвы, и организацией седельных мастерских, а «казачьим головам и кошелькам предоставили самим разрешать все эти больные вопросы, а верхи успокоились на том, что статья закона гласила, что казак должен был выходить на службу конным» [11, с. 30].

Добравшись до Читы, называемой в народе «забайкальской песочницей» из-за обилия песка, который действительно заметно усложнял местному населению жизнь: заполнял все улицы, все дворы, носился измелчённым в воздухе и покрывал изнемогшую от жары зелень, Будберг уже через день «погрузился в монотонную канитель шаблонной полевой поездки со строевыми офицерами пехотных и казачьих частей Забайкальской области». Поездка эта оставила после себя удручающее впечатление, поскольку в то время, для практического обучения тактике, сибирских офицеров ещё заставляли решать шаблонные задач, «подогнанные к ровным местам, к дорогам и ко всей обстановке не наших, а европейских районов». Будберг же совершенно справедливо считал, что в условиях Восточной Сибири нужно практиковаться в решении совершенно иных боевых задач и упор делать на специфику местных условий [11, с. 30].

Те же проблемы показал и проведённый после поездки манёвр войск местного лагерного сбора, где опять бросалось в глаза откровенное

стремление подражать центрально-российским шаблонам и сводить полевые занятия сибирских войск на места ровные, населённые и с достаточным количеством дорог, т.е. ставить их в такие условия, которые здесь являлись исключением.

На манёвре он увидел и несколько казачьих конных сотен, сформированных из одного только что упразднённого казачьего пешего батальона. У них был «весьма жалкий вид, усугублённый низкорослостью и убогим состоянием конского состава; то, что не было заметно и не бросалось в глаза в отношении настоящих конников казаков, составлявших со своими лошадьми одно гармоническое целое, здесь в импровизированной коннице лезло наружу самыми нелепыми и кричащими углами, образно иллюстрируя известное выражение «сидеть на лошади, как собака на заборе» [11, с. 32].

Командующего войсками Забайкальской области (он же военный губернатор и наказной атаман Забайкальского казачьего войска) увидеть не удалось, поскольку генерал-майор Е.О. Мациевский отдыхал на местном курорте в Дарасуне. Однако молодому офицеру немедленно рассказали о нём большое количество разных историй самого анекдотичного содержания. Будберг считал это следствием того, что, во-первых, местные круги были сильно потревожены «новыми и резкими требованиями неумного, но резкого педанта из простых строевых офицеров, выброшенного вдруг на почти всемогущую здесь должность распорядителя всех сторон жизни населения целой области», а, во-вторых тем, что сам Мациевский, будучи новичком в гражданском и казачьем управлении, рубил многое с плеча и «несомненно внёс в управление те же аракевские тона, которыми он славился ещё в Москве» как командир 7-го Гренадёрского Самогитского полка (4 февраля 1888 г. – 16 марта 1893 г.) [11, с. 30; 18, с. 697].

Из Читы Алексей Павлович отправился в обратный путь, увозя с собой в целом довольно благоприятное впечатление о Забайкалье и о всём том, что пришлось там увидеть и узнать [11, с. 32-33]. К тому времени, как он вернулся в Благовещенск, Д.Г. Арсеньев уже был переведён губернатором в Пермь (назначен Высочайшим приказом от 11 июня 1897 г. [15, Приказ № 201 от 1 июля 1897 г.; 18, с. 404], а на его место 2 июля был назначен бывший начальник штаба Приамурского военного округа генерал-майор К.Н. Грибский [15, Приказ № 229 от 10 июля 1897 г.; 18, с. 603], начавший быстро наводить порядок и использовавший знания и таланты Будберга по максимуму. В результате последнему пришлось начать работать не только по военной, но также по гражданской и казачьей части управления областью.

Работа была очень интересная, а главное – чередовалась частым сопровождением нового губернатора в его поездках по области. Во время этих объездов Будберг «близко познакомился с убогими условиями жизни и быта амурских казаков, с грязными их хатами, с дворами, лишёнными необходимейших хозяйственных построек, с малорослыми лошадьми, с коровами, похожими на заморённых телят, с самым жалким сельским и домашним хозяйством. Самое печальное было то, что всё это происходило не от бедности, не от тяжёлых условий жизни, а от расплывшегося всюду разгильдяйства, распуты и бесхозяйственности» [11, с. 33].

О том, насколько зажиточно можно было жить в этом богатом от природы крае, лучше всего говорили старожильческие, духоборческие и молоканские сёла и деревни, которые почти все были зажиточными и с внешней стороны смотрелись просто образцово. Последние поражали своей зажиточностью, обилием сельскохозяйственных машин, породистым скотом и замечательной крепостью, здоровьем и красотой населения [9, с. 29; 12, с. 19].

Разительный контраст являли собой казачьи станицы: далеко не в каждой «можно было найти сносный огород, так как казаки садили обыкновенно только картошку, да и то не везде, птицы держали очень мало, а водяной, несмотря на близость реки, не разводили совершенно под предлогом, что за ней хозяйкам очень много хлопотать.

Поля и огороды не удобрялись и давали жалкие урожаи; навоза было масса и он был отличного качества, но казаки ленились вывозить его на поля, а сваливали на берег Амура летом и на лёд Амура зимой с тем, чтобы подъём воды и ледоход уносил его от станиц» [12, с. 19].

С другой стороны, Будберг, как и многие современники, писал, что подобное положение дел было вызвано тем, что места постановки казачьих станиц были определены ещё во времена Н.Н. Муравьева-Амурского, без предварительного исследования, насколько отведённые места были годны для жилья и для сельского хозяйства.

Однако проблема состояла не в том, что «граф Муравьёв-Амурский смотрел на учреждаемые им поселения как на места расположения почтовых станций и пункты заготовки дров для снабжения пароходов; для него это были военные этапы того пути, который он проложил по пустынному Амуру и который должен был прочно и надёжно связать новую окраину России с остальной Сибирью». Вполне очевидно, что для него эта задача, под воздействием внешнеполитических обстоятельств, заслоняла всё остальное. Причиной же было то, что деятельный генерал-губернатор «предусмотрительно позаботился, чтобы его последователи не сломали его работы и добился утверждения закона, по которому станицы и посёлки могли быть перемещаемы только по особому Высочайшему повелению. Этим законом казачьи станицы были крепко пригвождены к тем местам, на которые их посадил первый устроитель здешнего края...» Что же касается последователей Муравьёва-Амурского, то они «не только не пытались нарушить установленную им дислокацию станиц, но с упорством, достойным лучшего применения, держали казаков на таких местах, которые оказались абсолютно непригодными для жилья и сельского хозяйства» [12, с. 19].

В качестве примера Будберг приводил злосчастную станицу Низменная, поставленную недалеко от Благовещенска на южном углу Зазейско-маньчжурского района. Её затапливало разливами Амура почти каждый год, но все просьбы казаков о переносе станицы на другое место были безрезультатны – станицу каждый раз приказывали восстановить на прежнем месте. Кончилось тем, что казаков выручила сама природа, уничтожившая очередным наводнением не только станицу, но и берег, на котором она стояла. Только тогда разрешили восстановить станицу ниже по течению и на более удобном для житья месте.

Аналогичная проблема была у казаков Сухотинского посёлка, расположенного в таком месте, где он страдал не только от регулярных наводнений, но и от сильнейших холодных ветров, делавших жизнь зимой сплошным мученьем. Чтобы добиться разрешения перенести посёлок на одну версту понадобились долгие годы, просьбы и усиленные ходатайства.

Встречались станицы, которые не топило и не сдувало, но при этом пахотные земли находились от них в десятке вёрст или вообще лежали за горными хребтами, что «создавало такую тяжёлую обстановку для их обработки, что и при горячем желании было бы очень нелегко заниматься сельским хозяйством; у казаков же этого желания не было, так как им представлялось много иных и более лёгких способов для хороших заработков, и большинство предпочитало покупать необходимую им муку вместо того, чтобы измываться в работе на собственном поле» [12, с. 19-20].

Старожилы рассказывали молодому офицеру, что в былые времена хозяйственное устройство станиц было несравненно лучше, чем теперь. Причём это было следствием именно прямой политики тогдашнего войскового начальства. Особенно много воспоминаний такого рода было связано с очень оригинальной личностью сподвижника Муравьёва-Амурского – полковника Михаила Акимовича Чеснока [12, с. 20]. Он был командиром Амурского конного казачьего полка в 1880-1885 гг., ещё до создания Уссурийского казачьего войска, а соответственно начальствовал казачьими посёлками по рекам Амуру и Уссури [4, с. 322-323].

«Чеснок ранней весной начинал объезд всех станиц и посёлков, в которых осматривал каждое казачье хозяйство, задавал каждому хозяину и хозяйке разные домашние работы, починки, улучшения и поверял тут же исполнение заданных при прошлогоднем объезде нарядов. Неполнение без уважительных причин – а уважить Чесноку было нелегко – тут же каралось по особо установленной таксе до розог включительно, при чём от последних не избавлялся и женский пол. “Хорошо жилось при покойнике”, вздыхали старые казаки, “не то, что нынешнее запустенье”. Печальная действительность показывала, что казакам нужен был строгий хозяин, неослабный надзор и насильственное приучение к хозяйственности и домовитости и что без этого лёгкость иных заработков отбивала казаков от прочного хозяйства, развращала их и приучала пьянствовать и бездельничать» [12, с. 20].

Пьянство же было настоящим бичом Амурского казачьего войска, ибо пили в станицах «гомерически». Во время одной из поездок по Амуру на последнем почтовом пароходном рейсе Будберг с интересом наблюдал, как «при остановке в станице Екатерино-Никольской вся парходная команда целую ночь выгружала на берег бочонки со спиртом и навалила их там целые горы». Заинтересовавшись назначением такого огромного количества спирта, барон в разговоре с наблюдавшим за выгрузкой казаком высказал предположение, что вероятно это запас на целый год. Собеседник усмехнулся и сообщил: «Что Вы, Выше Высокоблагородие, к Рождеству уже всё опростается, а там по первопутку опять подвезут» [12, с. 20].

Увы, кроме спирта казаки с радостью пили ещё и китайский ханьшин или сулю, «напиток, особо ценившийся сугубыми пьяницами за то, что он поддерживал пьяное состояние несколько дней, в течение которых достаточно было напиться воды, чтобы опять опьянеть». Опьянение ханьшином было очень тяжёлое, буйное, «с каким-то особо мрачным, чисто звериным, скотским оттенком; самый же ханьшин, приготовляемый из всевозможных хлебных отбросов и самым примитивным образом, представлял собой жёлто-зелёную жидкость с отвратительным запахом сивушного перегара...» [12, с. 21].

Весной 1898 г. Будберг сопровождал К.Н. Грибского в его первой по должности наказного атамана поездке для осмотра верховых станичных округов. Это дало ему очередную возможность самым подробным образом ознакомиться с условиями казачьей жизни. Заслуживает внимания замечание Алексея Павловича о том, что у Грибского было много разных идей и проектов по упорядочению казачьей жизни и улучшению казачьего быта, однако «исполнение было очень нелегко, ибо в прошлом всё разболталось и нужны были долгие сроки и упорная работа, чтобы всё наладить и направить на новый путь...» Более того, новшества зачастую наталкивались на сопротивление снизу, поскольку «обленившиеся казаки очень неохотно шли на улучшения, требовавшие труда или расходов» [12, с. 22].

К этому остаётся добавить, что, несмотря на неустроенность быта, пьянство и обилие разного рода проблем, выставляемые Забайкальским и Амурским казачьими войсками части на войне отличались высокой боеспособностью и героически воевали во время Китайского похода 1900-1901 гг., Русско-японской 1904 – 1905 гг. и Первой мировой войн.

Таким образом, воспоминания А.П. Будберга подтверждают многие выводы дореволюционных наблюдателей и современных исследователей о состоянии и проблемах Забайкальского и Амурского казачьих войск в конце XIX в. Важно и то, что барон, обладавший хорошей памятью, приводит некоторые малоизвестные или вовсе неизвестные детали, которые позволяют если не по-новому, то, по крайней мере, под несколько иным углом взглянуть на отдельные события истории дальневосточного казачества. Особенно это касается исторических личностей, таких как М.А. Чеснок, при описании которых Будберг руководствовался не только объективными данными, но и субъективными – рассказами о них казаков. Последнее позволяет историку не только более точно восстановить их биографии, но и реконструировать восприятие их образа в глазах казаков, отношение к присущей им методике управления. Это особенно важно для оценки их деятельности, так как подобных источников в распоряжении современных исследователей имеется сравнительно немного. Для специалистов же по истории и культуре повседневности оставленные офицером Генерального штаба зарисовки из жизни казаков представляют собой поистине бесценный источник, который ещё только ждёт своего исследователя..



Литература

1. Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Часть I. «Назло надменному соседу». 1860 – 1905 гг. Владивосток: Дальнаука, 2013. 383 с.
2. Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Часть II. Уроки Порт-Артура. 1906 – 1917 гг. Владивосток: Дальнаука, 2014. 408 с.
3. Авилов Р.С. «Для охранения границ Южно-Уссурийского края сформировать...» История создания и службы регулярной кавалерии на Дальнем Востоке России (1869 – 1914 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2011. 181 с.
4. Амурские казаки. Приамурье из века в век. Материалы, документы, свидетельства, воспоминания. Т. 2. Благовещенск-на-Амуре, ОАО «Амурская ярмарка», 2008. 344 с.
5. Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г.: Библиографический словарь. М.: Вост. лит., 2005. 295 с.
6. Будберг А.П. Дневник белогвардейца (колчаковская эпопея). М.: Прибой, 1929. 300 с.
7. Будберг А.П. Сибирские воспоминания (1895 – 1905) // Вестник Общества Русских Ветеранов Великой войны (Вестник ОРВВВ). №№ 58. (Март 1931 г.). С. 12-17.
8. Будберг А.П. Сибирские воспоминания (1895 – 1905) // Вестник ОРВВВ. №№ 59-60. (Апрель – май 1931 г.). С. 28–33.
9. Будберг А.П. Сибирские воспоминания (1895 – 1905) // Вестник ОРВВВ. №№ 65-66. (Октябрь – ноябрь 1931 г.). С. 23-31.

10. Будберг А.П. Сибирские воспоминания (1895 – 1905) // Вестник ОРВВВ. №№ 68-69. (Январь – февраль 1932 г.). С. 28-34.
11. Будберг А.П. Сибирские воспоминания (1895 – 1905) // Вестник ОРВВВ. №№ 71-72. (Апрель – май 1932 г.). С. 29-33.
12. Будберг А.П. Сибирские воспоминания (1895–1905) // Вестник ОРВВВ. №№ 73. (Июнь 1932 г.). С. 19-23.
13. Васильев А.П. Забайкальские казаки. Исторический очерк. В 3 т. Чита: Тип. Войск. Хоз. Правления Забайкальского казачьего войска. 1918. Т. 3. 348 с.
14. Приказы войскам Приамурского военного округа за 1896 г. Хабаровск, 1896.
15. Приказы войскам Приамурского военного округа за 1897 г. Хабаровск, 1897.
16. Сергеев О.И. Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. М.: Наука, 1983. 327 с.
17. Сергеев О.И. Русское казачество и проблемы заселения, хозяйственного освоения и обороны дальневосточных рубежей России в XVII–XIX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1979. 28 с.
18. Список генералам по старшинству. Составлен по 1 сентября 1898 г. СПб., Военная тип., 1898. 1003 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Avilov R.S., Ayushin N.B., Kalinin V.I. Vladivostokskaya krepost': vojska, fortifikatsiya, sobytiya, lyudi. CHast' I. "Nazlo nadmennomu sosedu". 1860 – 1905 gg. Vladivostok: Dal'nauka, 2013. 383 s.
2. Avilov R.S., Ayushin N.B., Kalinin V.I. Vladivostokskaya krepost': vojska, fortifikatsiya, sobytiya, lyudi. CHast' II. Uroki Port-Artura. 1906 – 1917 gg. Vladivostok: Dal'nauka, 2014. 408 s.
3. Avilov R.S. «Dlya okhraneniya granits YUzhno-Ussurijskogo kraya sformirovat'...» Istoriya sozdaniya i sluzhby regul'yarnoj kavalerii na Dal'nem Vostoke Rossii (1869 – 1914 gg.). Vladivostok: Dal'nauka, 2011. 181 s.
4. Amurskie kazaki. Priamur'e iz veka v vek. Materialy, dokumenty, svidetel'stva, vospominaniya. T. 2. Blagoveshhensk-na-Amure, OAO «Amurskaya yarmarka», 2008. 344 s.
5. Baskhanov M.K. Russkie voennye vostokovedy do 1917 g.: Biobibliograficheskiy slovar'. M.: Vost. lit., 2005. 295 s.
6. Budberg A.P. Dnevnik belogvardejtsa (kolchakovskaya ehpopeya). M.: Priboj, 1929. 300 s.
7. Budberg A.P. Sibirskie vospominaniya (1895 – 1905) // Vestnik Obshhestva Russkikh Veteranov Velikoj vojny (Vestnik ORVVV.). №№ 58. (Mart 1931 g.). S. 12-17.
8. Budberg A.P. Sibirskie vospominaniya (1895 – 1905) // Vestnik ORVVV. №№ 59-60. (Aprel' – maj 1931 g.). S. 28–33.
9. Budberg A.P. Sibirskie vospominaniya (1895 – 1905) // Vestnik ORVVV. №№ 65-66. (Oktyabr' – noyabr' 1931 g.). S. 23-31.
10. Budberg A.P. Sibirskie vospominaniya (1895 – 1905) // Vestnik ORVVV. №№ 68-69. (YAnvar' – fevral' 1932 g.). S. 28-34.
11. Budberg A.P. Sibirskie vospominaniya (1895 – 1905) // Vestnik ORVVV. №№ 71-72. (Aprel' – maj 1932 g.). S. 29-33.
12. Budberg A.P. Sibirskie vospominaniya (1895–1905) // Vestnik ORVVV. №№ 73. (Iyun' 1932 g.). S. 19-23.
13. Vasil'ev A.P. Zabajkal'skie kazaki. Istoricheskij ocherk. V 3 t. CHita: Tip. Vojsk. KHzoz. Pravleniya Zabajkal'skogo kazach'ego vojska. 1918. T. 3. 348 s.
14. Prikazy vojskam Priamurskogo voennogo okruga za 1896 g. KHabarovsk, 1896.

15. Приказы войскам Приамурского военного округа за 1897 г. КХабаровск, 1897.

16. Sergeev O.I. Kazachestvo na russkom Dal'nem Vostoke v XVII–XIX vv. M.: Nauka, 1983. 327 s.

17. Sergeev O.I. Russkoe kazachestvo i problemy zaseleniya, khozyajstvennogo osvoeniya i oborony dal'nevostochnykh rubezhey Rossii v XVII–XIX vv.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Vladivostok, 1979. 28 s.

18. Spisok generalam po starshinstvu. Sostavlenn po 1 sentyabrya 1898 g. SPb., Voennaya tip., 1898. 1003 s.